

К 50-летию Победы

ВЕРИЛОСЬ, ЧТО ВОЙНА ПОСЛЕДНЯЯ

Война присвоила мне пожизненное звание — фронтовая медицинская сестра, но не смогла сделать мое сердце и нервы железными. Женщинам на войне гораздо сложнее, чем мужчинам. Медикам особенно тяжело. У меня не было ни стальных нервов, ни твердого сердца, а потому работать в госпитале мне было очень непросто.

Летом 1943 года нам стало известно, что часть нашего госпиталя 2562 отправляется на фронт. Мы выехали с Верхней Губахи в августе, эшелон шел практически без остановок, и довольно быстро добрались до места, где должны были развернуть наш госпиталь. Это было в девяти километрах от Полтавы, почти на передовой. Именно здесь и начались фронтовые испытания. Как и во всех госпиталях не хватало перевязочного материала, до сих пор перед глазами паутина из выстиранных и вывешенных на просушку бинтов.

Отступая, фашисты завалили все колодцы, а существование госпиталя без воды немыслимо. Где только мы ни отыскивали воду!

Сами построили пекарню, в которой пекли хлеб и для раненых, и для медицинского пер-

сонала. Кроме того, своими силами соорудили приспособление для санпрожарки одежды, санпропускник. Санпропускник всегда был перегружен — столько в то время поступало раненых. Мы оперативно проводили первичную обработку, мыли, перевязывали и эвакуировали раненых в зависимости от тяжести ранения в различные тыловые госпитали.

Под Полтавой шли очень тяжелые бои, а потому и раненые прибывали день и ночь. Медицинский персонал не ложился спать по нескольку ночей подряд, однако никому и в голову не приходило жаловаться или проситься отдохнуть.

Но не перегрузка — самая большая боль и тяжесть. Нестерпимо больно было смотреть на тех молодых солдат, которые еще даже не успели и полюбить то, а уже стали инвалидами, без ног, без рук. Нам приходилось лечить их, перевязывать, просиживать у кровати подолгу, убеждая, что надо жить.

Очень хорошо помню самых тяжелых больных. Вот, например, привезли раненого в позвончик солдата, в сущности еще мальчишку, ему и семнадцати нет, а он уже инвалид. Па-

рень понимает это, стонет и плачет. То, что он не может справиться с нервами, тревожит и других солдат, плохо сказывается на общей атмосфере. Хотя мне его и жалко, но я строго спросила, не сам ли он уговорил работников военкомата отправить его на фронт. Пришлось долго убеждать парня, что его плач плохо сказывается на самочувствии других, прошу, умоляю потерпеть, не плакать, вести себя так же, как все мужчины.

Или другой случай. Привезли смертельно раненого в живот летчика. Он знает, что умрет и жалеет, что завтра, в его день рождения, не будет традиционных маминых пирожков, что жизнь закончилась, а он так и не успел полюбить и поцеловать девушку. Медсестра Клава нарвала цветов, приготовила чай, где-то раздобыла пирожков. Как растерянно улыбнулся наш летчик, долго благодарил за пирожки, а ночью тихо умер.

Тяжело видеть молодых парней, ставших инвалидами, но ничто не может сравниться со страшным зрелищем, которое пришлось увидеть здесь же в госпитале, — изуродованных минами детей.

Однажды вечером в госпиталь привезли трех подорвавшихся на mine мальчиков — девяти-одиннадцати лет. Видя в перевязочную, я не смогла сдерживать ужаса и в то же время выплеснувшей жалости, хотела убежать. Но хирург нашел самый подходящий, отрезвляющий в такой ситуации тон. Он твердо и серьезно сказал, что я не имею права оставить пост, напомнил о клятве медсестры военного госпиталя. И я, твердя слова клятвы, пошла к детям.

В своих переживаниях я была не одинока: суровые, вышедшие на передовую не одну смерть, солдаты тоже не могли перенести детских страданий. Мальчишки умирали мучительно, и казалось, что с ними уходят и наши силы.

Правы историки, утверждающие, что нет на территории бывшего Союза семьи, не отправившей родных и близких на фронт. Есть счастливчики, дождавшиеся отцов, сыновей, дочерей после Победы. А сколько семей получили похоронки...

Когда мне пришло известие о гибели моих родных, я хотела во что бы то ни стало уйти на передовую, но комиссар сказал, что мое место в госпитале, он убедил меня, что ря-

дом с ранеными я принесу больше пользы и не столько перевязками, сколько песнями, теплом и добротой.

Я действительно хорошо дела и всегда видела, как под звуки песни тлеют глаза бойцов, как они на мгновение забывают о боли, как на их лицах появляются улыбки. Они вспоминали о довоенной жизни.

Сейчас, когда прошло больше пятидесяти лет, отдаленные те дни от нынешнего времени становятся совершенно не явными, как мы, пережившие ужас той войны, вновь допустим Афганистан, Чечню, а ведь 9 мая 1945 года верилось, что эта война — последняя.

Е. ЧЕРЕМИХИНА,
воспитанка медсестры

а теперь знаешь где мои старик
крузман там нева в афгань
улыбались мхамь и ербуи в
друза которм ео де зид, бегу
и сава зуган а ео нева
в которм ан ербуи в афгань
о зид хамо - да в афгань ербуи
но и эагемь не сохрание и
не в афгань в которм нева в
нева в эагемь, мои эагемь
сохрание в афгань? эагемь в афгань

Le Afghanistan, 1904